
РОМАН

Владимир Сапожников
(г. Тула)

ПОРОЧНОЕ ЗАЧАТИЕ
(Глава из романа)

Книга члена Союза писателей России Владимира Сапожникова представляет собой детективный научно-фантастический роман.

Профессор Ситников после упорных попыток разрабатывает новые методы, позволяющие создавать гибриды человека с другими живыми существами, искусственно оплодотворять тех женщин, которые раньше считались абсолютно бесплодными... Открытия привлекают к себе внимание различных мафиозных кланов, спецслужб, совпадают по времени с началом передела сфер влияния, захватом заложников, гибелью любимой женщины главного героя романа... И Ситников находит свои пути рассчитаться с мафией, пытающейся, по сути дела, захватить для начала провинциальный Приокск... В настоящее время роман находится в печати.

Все представленные в романе герои и события вымышленны. Возможные совпадения с реальной жизнью носят случайный характер.

В полуподвальной лаборатории НИИ экспериментальной генетики в этот поздний час было тихо и сумрачно от подслеповатого света люминесцентных ламп.

В окружении различного оборудования, термостатов, колб и пробирок, заполненных разноцветными растворами, за старым, широким и длинным столом с ободранными углами над микроскопом склонился старший научный сотрудник Иван Петрович Ситников. Микроскоп был модернизирован им самим таким образом, что на предметном столике помещалась специальная стеклянная камера с микроманипуляторами. Их рукоятками этим вечером сосредоточенно и манипулировал исследователь.

На его округлом, широкоскулом лице с выдающимся вперед подбородком, голубыми глазами, скрытыми толстыми линзами очков, застыло напряжение.

Вот уже три месяца, меняя методики забора материала, время и условия инкубации донорских клеток, он пытался безуспешно соединить, казалось бы, несоединимое — и в эксперименте зачать новое живое существо — получеловека-полукошку.

Но донорская клетка, взятая от женщины, никак не хотела соединяться с клеткой, взятой от кота Васьки — любимого домочадца профессора Ситникова.

От усердия у Ивана Петровича покрылась потом намечающаяся на макушке лысина. От многочасового смотрения в окуляры микроскопа слезились покрасневшие глаза, мелко подрагивали пальцы рук.

Ученый вновь и вновь проникал тончайшим шприцем внутрь живой женской клетки, пытаясь соединить ее с кошачьей клеткой, но слияния их ядер почему-то не наступало.

В изнеможении Ситников опустил руки, откинулся назад на протертую, местами забрызганную химическими реактивами спинку кресла.

Его затуманенный взгляд пробежался по обшарпанным, с обвалившейся, местами растрескавшейся штукатуркой стенам своей лаборатории, не ремонтировавшейся с советских времен, остановился на темном проеме небольшого окна, выходящего в глухой институтский дворик.

Идее создания клонов человека с животными Ситников посвятил двадцать последних лет своей пятидесятилетней жизни. Спустя пять лет после окончания института подающий большие надежды, отлично оперирующий врач неожиданно для коллег по больнице и своей семье ушел работать младшим научным сотрудником в НИИ экспериментальной генетики, на мизерную зарплату. И с головой погрузился в реализацию своей, как многим тогда казалось, сумасшедшей идеи.

Ему с детства не давали покоя египетские сфинксы. Ситников пришел к выводу, что древние цивилизации владели методикой клонирования новых невиданных существ из различных птиц, животных и людей. Нужно было просто найти, восстановить утраченное когда-то и кем-то...

Жена, не выдержав хронического безденежья и полного безразличия Ивана Петровича к бытовым проблемам, ушла от него через год.

А он полностью посвятил свою жизнь реализации так заинтересовавшей его проблемы.

По существу Ситников, особенно в последние годы, когда почувствовал, что стоит на пороге решения научной задачи, переселился в полуподвальную лабораторию НИИ.

Задерживаясь на экспериментах допоздна, здесь же и оставался ночевать, благо в углу комнаты имелся кожаный диван с протертыми подлокотниками.

Профессор отвел взгляд от окна, посмотрел на настенные квадратные часы — те показывали полтретьего ночи.

«Как же простимулировать соединение двух разных клеток?! Те — древнеегипетские ученые знали, как это сделать... А я никак не могу додуматься», — досадовал Ситников, машинально переставляя на рабочем столе стеклянные колбочки с различными рабочими растворами.

От многодневной бессонницы разламывалась голова, напряженно стучало в висках...

— Надо чем-то взбодриться! — произнес вслух научный сотрудник. — А не пропустить ли мне для этого капельку спиртяшки, как случалось в молодости?!

Ситников, не вставая со своего места, взял стерильную мензурку, в которую плеснул спирт из стоявшей неподалеку на столе колбы. Чтобы разбавить, в чистый, «медицинский», долил в соотношении один к одному дистиллированной воды из носика дистиллятора. При этом немного не рассчитал, и разведенный спирт плеснулся через край мензурки, так что несколько капель упало на предметный столик микроскопа.

Иван Петрович, предварительно выдохнув, проглотил порцию разведенного спирта, зажевав его валявшейся на столе откусанной сушкой.

— Вот, черт, плеснул-таки в камеру для клонирования... Посмотрим: наверное, клетки от спирта погибли напрочь, — вслух подумал Ситников.

Протерев мятым, как изжеванным, носовым платком запотевшие окуляры микроскопа, ученый вновь склонился над ними...

И — о чудо! Он не поверил своим глазам: две клетки — женская и кошачья — соединились своими ядрами, слились в единое целое! Свершилось то, над чем он бился последние годы!

Иван Петрович бережно перенес созданный эмбрион в заранее припасенную стерильную пробирку с питательной, специальной, им же разработанной средой, которую поставил в термостат-инкубатор, работающий в режиме поддержания температуры 37 градусов по Цельсию — как в человеческом теле, в утробе матери.

Радость просто распирала ученого! Ему наконец-то удалось сделать это! Сделать то, что большинству в научном мире казалось несбыточной мечтой!

Теперь остается только ждать, когда эмбрион созреет до стадии новорожденного...

Вопрос — сколько ждать? Девять месяцев, как это бывает у женщины при вынашивании беременности? Или гораздо меньше, как бывает у кошачьих?! Время покажет... Да и ответит на вопрос — как будет выглядеть человеко-кот?.. Фантастика! А, может, волшебство?!

«Да ты же становишься волшебником, Ситников! — с восторгом подумал ученый. — Или дьяволом?! Время рассудит... А сейчас такое событие нужно отметить!»

Иван Петрович радостно позвонил по телефону в восемь утра Лиле. Точнее — Лилии Михайловне Вяземской, младшему научному сотруднику своей лаборатории.

После продолжительных гудков трубка телефона, наконец, была снята, и Ситников услышал заспанный женский голос:

— Алло... Слушаю вас...

— Лилечка, это я, Иван Петрович... Не разбудил тебя?

— Вообще-то сегодня суббота, к вашему сведению, уважаемый профессор, — и в трубке явственно прошуршал сладкий зевок. — Но ничего. Я всегда рада вас видеть и слышать, тем более что, несмотря на ваши научные ночные бдения, продолжаю фатально проживать на вашей даче, не особо терзая себя глупыми вопросами, где вы пропадаете по ночам... Надеюсь, вы звоните с работы, а не от любовницы?

— Из лаборатории. Только что закончил опыт. Представляешь, мне удалось значительно ускорить клонирование, соединить две клетки...

— Ты, наверное, на небе от счастья? Сколько времени бился над этим — и добился все-таки своего... Молодчина, Ванечка! — хохотнула Вяземская.

— Лилия, это следует отметить! Как ты смотришь на это?

— Резко положительно... Без задержки приезжай-ка домой, товарищ профессор... По пути купи на рынке свиную вырезку — зажарим сегодня шашлычок, попаримся в баньке...

— С удовольствием... Скоро буду. — Иван Петрович положил телефонную трубку. Еще раз открыл инкубатор и проверил температурный режим. Пока все в эксперименте развивалось штатно.

Своим ключом Ситников закрыл замок в двери лаборатории, опечатал ее. По тускло освещенной лестнице поднялся на первый этаж, в холл, к вахтерке. У выхода распрощался с дежурным сторожем, который, как всегда, дожевывал свой громадный гамбургер.

Нынешний сентябрь выдался просто удивительно красивым. За месяц — почти ни одного дождя, сушь, теплынь. Разноцветные желтые, коричневые пожухлые ли-

стья, медленно кружась, падали на тротуар с увядающих деревьев под ноги редким прохожим. Уже вставшее солнце розовело на востоке, даря свое последнее тепло.

Иван Петрович зашел в мясной отдел рынка, выбрал аппетитный кусок свиной мякоти для шашлыка. В винной лавке купил бутылочку молдавского коньяка, и спустя минут сорок его старый «жигуль», повиляв по проселочной дороге, посыпанной гравием, остановился возле ворот местами покосившегося деревянного забора, окружавшего старый сад, в глубине которого виднелся двухэтажный кирпичный дом.

Не очень большой, но и не маленький. В этом доме, доставшемся профессору в наследство от покойных родителей, и проживала сейчас со своей девятилетней дочерью Катей совместно с ним Лилия Михайловна Вяземская — тридцатитрехлетняя вдова бывшего ведущего конструктора одного из оборонных предприятий Приокска.

Она овдовела три года тому назад, когда ее муж погиб в автомобильной катастрофе. С Иваном Петровичем они сошлись как-то легко и быстро, через месяц после того, как Вяземская устроилась на работу в НИИ.

Ситников вышел из машины, развел по сторонам скрипучие створки деревянных ворот, ведущих за ограду усадьбы, припарковал автомобиль во дворе.

Сизый густой туман хлопьями клубился возле дома, цепляясь за стволы садовых деревьев, ватно облепив контуры деревянной русской бани в дальнем углу дачного участка, ближе к берегу речки, заросшему густыми ивами и березками.

— Ну, как вы тут живете-можете?! — весело спросил Ситников, снимая на веранде обувь, верхнюю одежду.

В проеме двери, ведущей на кухню, показалась высокая, дородная, но статная, красивая русской красотой русоволосая женщина в наброшенном на плечи ситцевом халатике.

Ее очаровательное, немного помятое после сна продолговатое лицо с правильными чертами, с выразительными серыми глазами открыто улыбалось:

— Ой, Ванечка, проходи, милый...

Лилия Михайловна забрала из рук Ситникова пакеты с продуктами и напитками, прислонилась к нему, тепло коснувшись своими влажными пухловатыми губами его губ.

На кухне было тепло. Жар исходил от протопленной, видимо, еще вчера русской печи.

— Хочешь чаю? — засутилась хозяйка, выставляя на стол вазу с печеньем, перламутровые синеватые чашки и блюдца.

— Нет, не хочу чаю... Тебя хочу. — Ситников обнял подругу за тугие бедра, еще раз поцеловал в чуть-чуть липкие губы, ощутив под легким халатиком набухшие, с затвердевающими сосками, высокие груди.

— Катюша еще спит... Так что давай поднимемся в спальню тихонько, чтобы не разбудить ребенка...

Они осторожно пробрались по деревянной лестнице в одну из трех спален на втором этаже.

Разобранная постель показалась Ивану Петровичу еще теплой от не успевшего улетучиться женского тепла. Быстро сбросив одежду, он прижался всем телом к Лиле.

— Подожди, не спеши... Давай понежмся немного, — шептала женщина, прикасаясь к его ногам своими горячими бедрами, животом.

Он не спешил, зная, что впереди ждет радостное и светлое погружение в самую приятную из всех женщин на свете. И в конце настанет момент, когда покажется, что солнечный свет брызнул из глаз, заливая все вокруг негой и теплом...

Ближе к вечеру они протопили баню и пошли вместе в парную, благо Катюша в это время с интересом просматривала очередной мультфильм по телевизору.

Сидя рядом под потолком раскопчегаренной до ста градусов парилки, уже облепленные влажными березовыми листьями от веников, они с удовольствием вдыхали терпкий банный дух, испытывая истинное блаженство и расслабление.

— Ты, знаешь, Лиля, я ведь сегодня не просто убедился, как можно ускорить клонирование, над чем я официально тружусь как сотрудник НИИ под мудрым руководством Коргеняна и Рахмилевича... Я сумел сегодня сотворить другое — то, о чем так много лет размышлял и мечтал... — делился наболевшим Иван Петрович.

Вяземская игриво провела ладошкой по его бедру:

— О чем же мечтал и размышлял наш великий ученый современности?

— Вчера ночью мне впервые в мире удалось осуществить казавшееся невозможным — оплодотворить женскую яйцеклетку клеткой кота...

Заметив, что при этих словах Ситников посерьезнел, Лилия Михайловна тоже нахмурилась:

— Постой-ка, но ты рассказывал кому-нибудь о своем эксперименте?

— Нет, конечно. Ни Коргиняну же с Рахмилевичем говорить о таких вещах... Речь идет об открытии, которое сможет перевернуть слишком многое в нашем мире... К тому же оно мной пока даже не запатентовано... А эти жлобы — Леня с Шагеном, если узнают, — сразу сообразят, что можно наварить бешеную кучу денег, а возможные последствия такого бизнеса их вообще не интересуют... Так что им об открытии я не скажу ни слова... Но нужны деньги, и немалые, для продолжения исследований...

— Подожди-ка, а в качестве донорских клеток для эксперимента ты использовал чьи клетки?

— Яйцеклетка — та, что я брал от тебя, а другая клетка — от Васьки...

— Интересно, что же может получиться от скрещивания меня с твоим милым Васей? Да и кто это будет — женщина-кот или кошка-человек?

— А может, кот с женской головой?!.. — хохотнул Иван Петрович, полуобняв Вяземскую.

— Шутки шутками, но это нужно будет где-то содержать и прятать до поры до времени, — размышляла Лилия Михайловна. — Наверное, здесь, на даче?

— Ой, Лилечка, пока не знаю... Посмотрим, что из этого получится... И получится ли вообще что-нибудь путное... А там — видно будет... В понедельник с утра пойду на поклон к Коргеняну — пусть просит у Рахмилевича деньги на развитие эксперимента... Нужно покупать дополнительное оборудование, без этого тему не поднять... А у Рахмилевича с его заокеанскими связями денег куры не клюют. И я чувствую, что он может заинтересоваться моей разработкой... Так что придется обращаться к нему... Больше некуда...

— Да уж, с кем только не приходится иметь дело... Этот Шаген Игишарович меня уже замучил своими вечными сальными домогательствами...

— Он что приставал к тебе?! — встрепенулся Ситников. — Я разберусь с этим дерьмом!

— Успокойся, Ваня, не горячись. Ты же знаешь — он не пропускает мимо ни одной юбки, старый ловелас... Но я ему дала достойный отпор...

— Какой же?

— Он попробовал меня лапать у себя в кабинете — так я ему так заехала по рожу, что он чуть было не упал со стула! — засмеялась Вяземская. — Видел бы ты его бешеный взгляд после этого!

— Вот, паскуда!.. Не пойду я к нему в понедельник... Или пойду — набью ему морду и швырну заявление об увольнении...

— Ты не сделаешь этого... Завтра пойдешь и попросишь о финансировании... Ты

же у меня гениальный русский мужик... Сейчас главное — довести работу до конца... И не засветиться насчет непорочного зачатия человеко-зверей до поры до времени... А дальше видно будет...

— Ложись-ка на полок, я тебя веничком похлопаю, — согласился Ситников. — Представляешь, я ж с этим Леной Рахмилевичем на одном курсе учился. Он ничем не выделялся, да и в науке не блистал... Но сумел выбиться в люди благодаря своим родственным связям с покойным ректором и родне в США... А сейчас посмотри — все под себя подмял: создал крупнейшую сеть аптек, открыл НИИ, контролирует крупнейший банк, главврачи всех приокских больниц под ним ходят — всех купил...

— А что творится в этих больницах: с подачи Рахмилевича, без согласия больных, на них испытывают новые неапробированные лекарственные препараты... Сколько уже было случаев, что пациенты после этого становились неизлечимыми инвалидами, бывали случаи и скоропостижной смерти...

— Да уж... И все замяли... Чего ж ты хочешь: родственник и однофамилец Коргеньяна — первый заместитель прокурора области. Говорят, не успевают пришивать все новые карманы для размещения взяток...

— И вот такие люди правят бал в нашей сегодняшней действительности, — горько согласилась Лилия Михайловна, переворачиваясь на полке с живота на спину под хлесткими ударами веником. — Ну ладно, милый, достаточно. Пойдем обдадимся водой в моечной. Что-то у меня уже кружится голова... Да и Катя там одна в доме осталась...

— Так мы же закрыли на замок входную дверь...

— Мало ли чего... Все-таки маленькая она еще... Пора заканчивать баню...

